

Между нуждой и небытием

preamble

Концепт "свободы" является одним из самых священных для вида Homo Sapiens, обладая безусловной ценностью практически в каждой культуре и внутри каждой общественной формации. Различия обнаруживаются лишь в атрибуции и приоритетах применения этого концепта: если в демократическом мире это *свобода личности* в сферах её самовыражения и самоопределения, то в тоталитарных странах это *свобода государственного аппарата* в области регламентации поведения своих граждан. Пиетет и авторитет, которыми при этом обладает сам концепт никак не страдают от гибкости его применения – ни одна страна, кроме единичных случаев совершенно античеловеческих режимов – не способна определить его в категорию антиценностей, чтобы прямым образом (без эвфемизмов) превознести его антитезу – порабощение. Даже самые чудовищные современные воплощения оруэлловской антиутопии, копирующие большинство тезисов англо-американского "1984" – Китай, Беларусь, Северная Корея или Российская Федерация – апеллируют к тому ореолу, которым обладает концепт "свободы", подвергая при этом его смысловое наполнение инвертирующей метаморфозе в соответствии с семантикой конкретного тоталитарного режима. Всем нам известны эти национальные вариации оруэлловского "Свобода – это Рабство" – начиная от партийных лозунгов Чжунго Гунчаньдана, трактующих свободу в оксюморонах коммунистических формулировок, и заканчивая свободой в понимании деспотичного режима, установленного в РФ, в котором вся свобода и любые формы ее выражения предоставляются исключительно репрессивным органам, оставляя за населением лишь право (*почетную обязанность*) быть пассивным материалом для реализации на нем этой свободы. Аналогичный прием эксплуатации тезиса "свободы" с полным инвертированием его смысла можно наблюдать в монотеистических доктринах (в частности – христианстве). Суть этого приема заключается в том, чтобы подчинить личность диктату религиозного института и его представителям, связав её догмами и регламентом поведения, обещая ей взамен "временной несвободы" (не более чем в пределах всей его жизни) – абсолютное трансцендентное "*освобождение*" (для того, чтобы это сработало, индивид изначально атрибутируется бременем вины).

При этом ни один режим, включая вышеперечисленные, парадигма которых основана на принципах рабского порабощения и тотального подчинения, не способен прямым образом поднять на своих знаменах тезис "рабства", не осмеливается посягать на ту безусловную привлекательность концепта "свободы", которой тот обладает в сознании каждого мыслящего существа нашей планеты. Исключением, правда, является религия, которой иногда получается связать у своих наиболее фанатичных последователей состояние рабского самоограничения с переживанием экзальтации. Однако, к счастью для homo sapiens, подобные отклонения представляют собой явную психическую патологию, что препятствует их распространению на значительное число адептов доктрины. Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что сам концепт "свободы" относится к категории фундаментальных ценностей всего нашего бытия, уходя своим генезисом на миллионы лет дальше,

чем история, которой обладает вид Homo Sapiens Sapiens – в глубину основания самой биологической жизни. Идеал Свободы тысячи лет пропагандируется лучшими мыслителями человечества, прославляются гуманистами, к нему апеллируют общественные лидеры, когда приходит пора объяснить гражданам причину наступающих ограничений, он перечисляется в ряду первейших прав человека и позиционируется во главе системы ценностей всей цивилизации... Оставим в стороне тот факт, что подобные призывы и лозунги чаще всего представляют собой лицемерные декларации – это никак не вина самого концепта. Сейчас нас интересует совершенно другая проблема – похоже, что используемое в этих лозунгах понятие вообще применяется не по назначению.

Во все времена отношение к когнитивной модели "свободы" носило чисто инструментальный характер и было опосредовано ее антитетичностью тем негативным концептам, которые были конституированы нашей биологической сущностью. Эти концепты охватывали: голод, холод, болезни, социальную обструкцию, лишение возможности продолжать свой род и т.п. формы деприаций естественных потребностей, свойственных всем млекопитающим. Все, что способствовало предотвращению вышеописанных угроз, описывалось при помощи идеи "*освобождения*" и ее производных. При этом, учитывая, что фундаментом самосознания субъекта являются ощущения успешности/неуспешности удовлетворения вышеупомянутых потребностей, ни одна попытка избегания этих угроз не посягала на выход за пределы подчиненности тому институту, который их обуславливал и формировал – поскольку за его границами тепловое поджидал кризис идентичности, угрожая особи отрицанием самого ее бытия. В такой парадигме идея *полной свободы* оказывалась несовместимой с перечнем актуальных целей любого живого организма. Поэтому, несмотря на декларации "*устремленности к свободе*", ни один живой организм никогда не стремится к выходу за свои экзистенциальные пределы, ограничиваясь маневрированием внутри заранее предоставленного ему пространства с целью нахождения в нем своей зоны комфорта, остерегаясь при этом тех крайностей, которые поджидают его с обеих ее сторон. В этих условиях любые разговоры о "*стремлении к свободе*" лишены смысла, поэтому для определения столь важной концептуальной ценности живого существа лучше будет подыскать иную формулировку – более прагматичную и соответствующую её смыслу: идея "*желания большей воли*". Постараемся проанализировать концепты "Свободы" и "Воли", чтобы выяснить, чем отличаются их когнитивные модели.

Несложно понять, почему каждое разумное млекопитающее, ссылающееся на "зов свободы", продолжает удерживать себя в вышеупомянутых рамках. Наличие витальных потребностей является главным признаком *живости* существа – они не только заполняют его сенсорный вакуум (который, впрочем, сами и создают), но и служат тем разграничением, которое позволяет ему идентифицировать (вычленив) себя из окружающего мира, утвердить собственную экзистенцию. В силу этой значимости естественные потребности (нужды, желания, стремления) исключаются из пространства ценностных суждений, т.к. для субъекта они обладают априорной значимостью, смыслообразующей базой, без которой он сам, как биологически активный агент, не существует. В то же время, концепт Свободы включает в себе идею отрицания какой-либо базы, он лишен постоянства, его сущность динамична и аморфна, представляя собой бесконечное стремление к абсолюту и отказ от фиксированных определений. Поэтому вместо идеи Свободы нам оказывается доступной лишь ее упрощенная версия – **Воля**, понимаемая как практическая **осуществимость** тех **желаний**, которыми действующего агента наделяет его морфология и окружающая среда. Воля – миллионлетиями закреплённый концепт избегания принуждений или лишений того, что жизненно необходимо существу. В отличие от Свободы,

этот концепт отнюдь не антитетичный, что позволяет ему стать центральным в идеальной когнитивной модели любого теплокровного. В то время как наше использование "свободы" оперирует отрицающими конструкциями ("свобода от...", "освобождение из...", "выход на свободу..."), "воля" обладает позитивными коннотациями и непосредственно ассоциирована с эмоционально тепло окрашенными понятиями: "воля к победе", "воля к жизни", "волеизъявление", "воля избирателя". Это хорошо иллюстрируется различием между "мне вчера дали волю" и "я освободился из тюрьмы" (в английском языке, соответственно, эта разница выражена в оборотах, построенных на "will" и "freedom"). Даже в тех случаях, когда употребляют оборот "свобода для...", практически всегда подразумевают именно реализацию *воления*, поскольку в качестве цели указывается нечто, имеющее прямое или косвенное отношение к естественным потребностям живого существа, создавшим тот или иной род его зависимости, т.е. речь опять идет не более чем о преодолении депривации, о реализации необходимого.

Стоит запомнить это различие между двумя концептами. Базисная модель "Воли" содержит установку на обретение баланса, имея своим идеалом статичное состояние в центре *зоны комфорта*, принимая как аподиктичную данность любые природно обусловленные ограничители и внешние обстоятельства, которые формируют источник воления и определяют пространство его реализации. Обратим внимание на выделенные слова: **воля – это зона экзистенциального комфорта**. Но все равно это *зона*. В альтернативу ей модель "Свободы" не имеет фиксированного ориентира, ее идеал – динамичное развитие, эволюционное расширение границ, неприятие каких-либо данностей и отрицание жестко фиксированной самоидентификации агента свободной инициативы. Именно в этом заключена разница между двумя концептами и, следовательно, между когнитивными моделями, которые выстраиваются на их основе.

Комфорт – как функция реализации воли на зоне

Желания и потребности того или иного представителя живых существ, равно как возникающие на материале их ментальной репрезентации иллюзии не имеют ничего общего с глобальным процессом эволюции. То, что мы называем этим словом, куда более сложнее, чем просто процесс смены одного биологического вида другим. В широком понимании эволюционные процессы вообще не начинаются на органическом мире и, соответственно, на нем не заканчиваются. Одна из их сторон, доступная нашему пониманию, может быть определена как развитие и усложнение концепта Свободы. Даже миллионы лет назад, когда еще не было тех, кто могли бы, согласно Дж. Лакоффу, называться носителями концептуализирующих систем, уже тогда сам концепт свободы существовал и развивался. Можно его называть платоновской идеей, можно базовым принципом или частью механизма универсальной истории – в разных философских системах найдется свой термин.

К сожалению, непосредственно для самого млекопитающего данная идея была и остается абстрактной и довольно неудобной для интеграции в его концептуальную систему. Следствием этого является то, что сама разумная деятельность, которая реализуется в представителях вида *Homo Sapiens*,

оказывается ограниченной в жестких рамках – в их представлении ее роль обречена на сервильность и вторичность по отношению к самим ее носителям. Зависимость здесь довольно жесткая – предел эволюции когнитивной функции обусловлен конечностью прагматики её инструментального употребления для конкретно взятого вида в конкретно оговоренных условиях самоидентификации его представителей. Тем не менее из неприменимости тезиса абсолютной свободы к виду, возникшему в ходе биологической эволюции, не следует категорическая недоступность самой идеи для индивидуумов, которые его составляют. Эволюция Разума и процесс его освобождения продолжают – хотим мы этого или не хотим, понимаем мы её механизмы или нет, принимаем мы в этих процессах сознательное участие или просто используем в них как расходный материал.

Для того, чтобы онтология разумных существ поспевала за эволюционным процессом, концепт Свободы нуждается в периодической ревизии своего содержания. Тем не менее, несмотря на робкие попытки определить свободу как сверхзадачу развития человека (Э. Фромм), доминирующая часть философских концепций все еще отводит этой идее второстепенную и сервильную роль. В частности, у того же Фромма трактовка свободы упрощена и ограничена рамками гуманистической парадигмы, что, как мы можем убедиться, исключает развитие данного понятия. Поэтому чаще всего при употреблении термина "свобода" современный человек продолжает оставаться в рамках определения, оставшегося нам от Спинозы. Казалось бы, в самом обороте *"осознанная необходимость"* заключено столько покорной обреченности, что употребление в одной связке с ним термина "свобода" должно вызывать когнитивный диссонанс. Однако этого не происходит – философская мысль, отравленная многовековым ядом христианства, приучила нас к подобным катахрезам. В настоящее время хрестоматийной является трактовка формулы Спинозы, как призыва к философскому осознанию природной обусловленности всех волеизъявлений человека и к последующему слиянию с единой субстанцией, в котором субъект достигнет баланса между желаниями и долгом. Это понимание могло бы хорошо коррелировать с данной статьей, если бы не одно "но". Великий гуманист подразумевал в качестве субъекта такого освобождения – человека, искренне надеясь и веря, что можно оставаться теплокровным млекопитающим, *любить жизнь* и при этом обладать подлинно свободным разумом. Этим он перечеркнул все свои усилия по приближению к истине, подарив потомкам "резинное определение", которое спекулянты на данной теме натягивали на совершенно дикие философские конструкции, используя его в диаметрально противоположных идеях освобождения целей.

Даже те, кто боролся с засильем в человеческом самосознании меметических монстров порабощения – догматизма, феодальной пассивности и религиозного мракобесия, часто не отдавали себе отчета в том, что их собственная концептуальная система продолжала оставаться в рамках, сформированных тезисом *"богам нужны покорные служители"*. Наивно полагать, что после замены "демиурга" на "природу" эта формула начнет служить для нас пропуском в новые смысловые пространства. *"Нехорошо быть слишком свободным. Нехорошо ни в чем не знать нужды"* – таким холодным душем окатывает наивных апологетов "человеческой свободы" Блез Паскаль. Подобные заявления не могут удивлять, поскольку, как нетрудно догадаться, под "свободой" мыслители-гуманисты всегда подразумевали "волю", понимая идею раскрепощения как "свободу **воли**", произвольность выражения своих **желаний**. При этом, в противовес панегирикам большей вольности, идею "абсолютной свободы" могли даже атрибутировать негативными и развращающими качествами (Гертруда Химмельфарб). Смысловые градации "освобожденности" (введенной в качестве комплементарной пары для "зависимости", уравновешивающей ее – но не как ее антитезы) формировали понятия "нехватки" и

"достатка" в пространстве ресурсодефицитной парадигмы, однако в итоге приводили к появлению пугающих своей абсурдностью тех или иных форм "избыточности" (это свойственно концепту "Воли"). Вообще, боязнь освобождения и воспевание идеи "Свободы" прекрасно уживались друг с другом на протяжении всей истории развития человеческой культуры. Подобная амбивалентность свидетельствует о наличии серьезного невроза, вытесненных страхов и комплексов, которые живые существа желают оставить в тайне от самих себя.

Пытаясь составить представление о пространстве разумного, мы ошибочно проецируем когнитивные модели, сформированные нашей собственной морфологией, биологической структурой и эволюционно обусловленными потребностями, на некую *"объективно существующую реальность"*, в которой, как нам кажется, должно существовать универсальное и всеобъемлющее понятие Разума, чьи представители (агенты) всегда обладают способностью узнать друг друга *"по походке"* – по обязательному наличию потребностей и усвоенным навыкам (и инструментам) их удовлетворения. Другими словами – по масштабу волеизъявления и по легкости достижения желаемого. Такая когнитивная модель Разума подразумевает существование бинарного понятийного барьера, разделяющего существ на обладающих разумом и лишенных такового. Результатом этого является то, что мы оказываемся способными признать разумными только себе подобных и категорически отказываем в этом качестве тем, кто не подвластен грузу требований, который наш вид вынужден владеть, или задачам, выполнением которых мы нагружаем свой когнитивный аппарат. Подобные ошибочные атрибуции проявляют себя на всех уровнях познания, в частности, влияя на семантику нашего языка – известный лингвист Дж. Лакофф в своих работах привел немало примеров тех проблем, которые создаются в нашей понятийной системе благодаря засилью объективистской парадигмы. Огромную помощь в этом ей оказывает антропоцентризм, присущий большинству мыслителей-гуманистов. Только благодаря этому на сегодняшний день наша картина мира способна содержать либо тех, кто примитивнее и *неразумнее* нас, либо тех, кто является нашей копией (что, опять же, отлично согласуется с нашей склонностью подозревать любые "иные разумы" в агрессивных и экспансионистских намерениях).

Обратим внимание на неуклюжий оборот "неразумнее". Это лингвистическое следствие той же дихотомии, заключенной в нашем концепте разумности: *"или разумный или животное"*. Не будь этого, мы бы имели множество континуальных определений для описания тонких оттенков и вариаций значения разумности, а также хорошо разработанную семантику для обозначения видов и категорий Разума в тех или иных агентах. Неестественность такой дихотомии может быть продемонстрирована на искусственном примере концепта "тяжести". Представим, что в нашем языке отсутствуют сравнительные категории "легче", "тяжелее", "тяжеленный", "легчайший" и т.п., вместо которых имеются лишь два полярных понятия: "невесомый" и "неподъемный". И вот с этим концептуальным набором мы делим наш *объективно* существующий мир по принципу: *все, что не является невесомым, то неподъемно, и наоборот*. Это упрощенный, но достаточно показательный пример нашего подхода к проблеме многогранного Разума. Используемая Homo Sapiens концепция Разума исключают возможность распознавания кого-либо, чей интеллект менее скован в своих проявлениях, нежели его собственный.

До тех пор, пока мы не знаем иного применения разуму, кроме как использование его в борьбе за свое существование, мы никогда не сможем признать носителем разумного начала тех, кто свободен от проблематики *выживающего существа*. Деятельность подлинно свободного агента – даже не

обязательно обладающего способностями, превосходящими наш собственный уровень (хотя эти характеристики, скорее всего, взаимосвязаны) – с позиций Homo Sapiens никогда не будет оценена как разумная. Прибегая к примеру из обыденной жизни, можно сказать, что точно так же, как каждый человек ищет себе в товарищи того, кто разделяет его интересы, так и человеческая цивилизация ищет (как в пределах Вселенной, так и в недрах виртуальных симуляций функционала неокортекса) не всякую разумную жизнь, но лишь ту, которая, подобно ей самой, сосредоточена на решении задач, концептуализированных в пространстве понятий нашей самоидентификации, например: *"субъект/объектное противопоставление"*, *"борьба с окружающей средой"*, *"проблема ресурсозависимости"* и даже *"поиск сексуального партнера и конкуренция с соперниками"*. Никогда цивилизация Homo Sapiens не признает разумной какую-либо активность, если ее нельзя будет подвести под категорию подобных "побед над природой и себе подобными" в том или ином масштабе.

Эти шоры накладываются семантикой лингвистических конструкций, а также парадигмой самосознания выживающей единицы, в основе которой лежат целевой прагматизм *"какую мою нужду это преследует"* и реактивный детерминизм *"какие внешние силы заставили это произойти"*. Биологическая основа мыслящего животного налагает жесткие пределы на все сферы его деятельности, и было бы наивно полагать, что научное мышление будет здесь исключением из правил. Как существуют предельный вес, который способен выдержать наш опорно-двигательный аппарат, точно так же существует и предел возможностей для знания, выстраиваемого в концептуальной системе, возникшей на морфологической базе конкретного вида. Патнэм, Мак-Лейн и Лакофф достаточно остроумно доказали, что даже математика, наивно провозглашаемая как *единственно объективная наука об идеальном*, на самом деле отнюдь не заслуживает такого статуса, являясь по сути такой же производной от нашей когнитивной функции, как и все прочие биологически обусловленные подсистемы формирования модели окружающего мира.

Теоретически возможно допустить применение Разума для целей его собственного освобождения от утилитарного подчинения потребностям, сформированных у млекопитающих миллионами лет эволюции. Практически же осуществить эту задачу на уровне популяции носителей когнитивной функции не представляется возможным в силу целого ряда причин. Среди них самая существенная – это потребность продолжать видовую борьбу за существование (которая тем интенсивнее, чем более ригидны концепты обслуживающих ее инструментов и методов). Однако невозможность осуществления этой задачи на глобальном уровне не означает невозможность индивидуального прогресса. Как целое не является суммой частей, так и часть – не уменьшенная копия целого. Индивид обладает уникальным качеством, которое дает ему неоспоримое преимущество перед своим собственным видом, и это качество заключается в понятии **персональной свободы**, означая возможность каждого субъекта распоряжаться собой, не оглядываясь на *естественные задачи* и игнорируя регламент довлеющего над видом *зова природы*. Биологический вид такой свободы лишен – если он перестанет подчиняться природно обусловленным требованиям и утратит ориентиры "сверхзадачи выживания", он тут же окажется обреченным на исчезновение. Индивид же находится в более выгодном положении. Индивид, как сознающий себя субъект – именно вследствие возникновения себя, своего сознания "из ничего" и дальнейшего исчезновения в таком же "нигде" – является, безусловно, единственным существом из известных в природе, которое способно претендовать на подлинно свободные поступки. Все прочие существа, включая проявляющих зачатки когнитивной функции, но лишенных самосознания животных, являются не более чем рабами своего

вида, бесправными функциональными единицами института выживания. Лишь Homo Sapiens Sapiens, сознающий трансцендентность и иллюзорность своего собственного "я" и построенной вокруг этого условного *центра тяготения нарратива* (Д. Деннет) модели "*реальности*", обладает возможностью выйти из-под диктата природы, способен найти мотивы и стимулы для подлинно свободных действий, не подчиняясь ни одной из навязанных ему извне биологически обусловленных задач и поступая наперекор требованиям *естественного* характера. Согласитесь, это имеет мало общего с концепцией Спинозы, предвещавшего обретение "нирваны освобождения" в полной отдаче себя *"течению жизненно обусловленных потребностей"*.

Описанная выше индивидуальная свобода является, пожалуй, единственной, на которую мы, потомки млекопитающих, можем рассчитывать. Только такая форма свободы не стеснена ничем, не ограничена никакими перспективами возможных последствий, поскольку конечность существования такого побочного и эмерджентного продукта, каким является наше *Ego*, исключает какие-либо его обязательства перед лицом безграничной Природы. Мы недооцениваем пользу субъективности референсной модели мироздания, наедине с которой мы проводим всю свою жизнь. Мы тратим чудовищные усилия, чтобы привести ее в релевантное соответствие с мифической "*объективной реальностью*", угнетая самих себя безуспешностью этих попыток и разрываясь в когнитивном диссонансе, возникающим по причине того, что вне нашего субъективного восприятия не обнаруживается ничего прочного и безусловного, за что мы могли бы ухватиться. Мы проецируем на себя поведенческие паттерны млекопитающих, придерживаясь аксиомы "*то, что миллионы лет было хорошим для наших предков, будет хорошим еще столько же и для нас*" (что, в принципе, не далеко от истины, если остановить эволюцию). Мы полагаем, что индивид – это покорный раб вида, всего лишь "деталь целого", которая вне видовых задач совершенно бессмысленна (что также является наивным переносом представления о лишенных сознания животных на мыслящих существ). Мы превозносим успехи "*авангарда эволюции*", подразумевая под ним, естественно, самих себя, мы поем панегирики Разуму – опять-таки, считая именно себя наилучшими его представителями. Причиной такого самообмана является не только невротическая потребность *вечно одинокого* в самовосхвалении ("*сам себя не похвалишь...*"), но и тот факт, что наши головы всегда "повернуты назад", где мы видим только тех, кого мы обогнали в эволюционном прогрессе. Сделать оборот на 180 градусов и посмотреть вперед мы принципиально не способны по двум причинам: субъективной и объективной. Субъективно – нам невероятно страшно представить себя *не первыми*, а еще страшнее обнаружить там *не себя*. Объективно – наша концептуальная система, как показано выше, сформирована таким образом, что мы не способны допустить самую возможность такого поворота.

В ходе эволюции ни один вид никогда целиком не трансформируется в какой-либо иной вид. Изменения всегда начинаются с отдельных особей и затем могут распространиться по популяции в большей или меньшей степени, "увлекая" за собой ту или иную ее часть на альтернативную ветвь развития. Интенсивность распространения этих генетических изменений имеет свой подъем и спад, причем спад происходит значительно раньше, чем будет охвачены все особи исходного вида. Запомним этот факт (в статье "postnatural" ему было уделено особое внимание) и вернемся к нашим приматам. Несмотря на то, что представители вида Homo Sapiens реализуют себя в тесных рамках программы млекопитающего, изредка случаются индивидуальные отклонения в ценностных и целевых установках, когда тот или иной субъект ловит себя на ощущении тесноты в отведенных для его деятельности рамках. В этот момент произвольно действующий субъект исчезает, а на его место

заступает ищущий расширения экзистенциального пространства актер, которого гнетет его несвобода. Эта ситуация возникает достаточно редко, чтобы мы могли позволить себе призывы к индивидуальному освобождению, не боясь поставить под угрозу сохранность вида *in toto*, но именно в этих отклонениях проявляются попытки Разума освободиться, найти новые пространства для развития. При этом не стоит удивляться, что для таких попыток свойственно полное пренебрежение ценностями его текущего носителя.

Вернемся к определению свободы, оставленному нам Спинозой. Осознанная необходимость – это, конечно же, не свобода. Но это своего рода ее преддверие, это приближение к выходу из пространства естественных и безусловных принуждений, называемых "необходимостью", обнаружение их механизмов, и как следствие – понимание того, что они сами также чем-то обусловлены. Это и есть "дверь". Свободны лишь те, кто открывают эту дверь и выходят из прежнего контекста необходимости, вырываясь из оков идентичности, которая поддерживалась координатной сеткой ценностей прежнего уровня. Однако на этом шаге свобода вновь заканчивается, поскольку выходящие на пространство нового контекста снова становятся несвободными – для осознания системы новых необходимостей им потребуется определенная "ориентировка на местности" и аналогичные усилия по их определению и разбору. Само по себе осознание детерминированности собственных действий лишает субъекта ложного ощущения свободы (за которую он принимает волю), но еще не освобождает его. Можно сказать, что свобода, как перманентное статусное качество, вообще недостижима, при том, что состояние "освобождающегося" периодически реализуемо и к нему нужно стремиться. Для того, чтобы попытаться совершить это освобождение, сперва следует ощутить гнет собственной зависимости от тех факторов, которые кажутся "естественными", распознать их влияние, ощутить принуждение с их стороны и принять идею возможности выхода за их границы. Метафорически это можно сравнить с лестницей, в процессе восхождения по которой происходит кратковременное освобождение ноги от ступеньки – но лишь с тем, чтобы опереться на следующую, более высокую.

Освобождение можно понимать двояко: по западным когнитивным моделям, трактующим его как расширение доступности средств для реализации изначально не подвергаемых сомнению желаний, или по восточным – которые делают акцент на преодолении зависимости и предлагает аскетичный уход от суеты и избыточности притязаний. Оба подхода часто противопоставляются, и для этого есть объективная причина. Она обусловлена тем, что можно назвать *динамическим диапазоном* идентичности человеческого существа, который представляет собой ограничения, продиктованные человеку законами биофизики. Редкий индивидуум, обладающий широкими возможностями для обретения положительных эмоций от удовлетворения природно обусловленных потребностей, сможет заставить себя испытывать интерес к трансцендентным категориям. Вся история развития человеческой культуры неумолимо свидетельствует о том, что зону комфорта можно сузить практически до нуля, превратив субъекта в несчастнейшее существо, однако расширить ее сверх оговоренного выше лимита невозможно. Попытки достичь подобного расширения, безусловно, предпринимаются, но их результаты довольно плачевны, поскольку самым первым и очевидным из них является превращение субъекта в *homo consumens* (см. первую статью цикла – "Хлеб с Маслоу").

Итак, свобода возможна на вневидовом уровне. Более того – для потомков млекопитающих она возможна только в такой форме. Но достичь ее можно лишь в результате отказа от ролей, навязываемых профессией, полом, видом, морфологией, и даже самой принадлежностью к категории живых существ, включая роль *Homo Sapiens*. Для своего освобождения индивид должен вырваться из

самой парадигмы идентификации и специализации. Потому что эти концепты несовместимы с идеей эволюционирующей свободы.

Эстетика трансцендентного

В статье "Эпициклы сознания" был подробно рассмотрен паразитирующий на механизме нашего сознания мем персонификации, приводящий к появлению у нас иллюзий "Его", "самости" и прочих концептов из набора ложных ценностей. К той же категории относится институт специализации. На протяжении всей истории развития нашей цивилизации лавинообразно накапливающиеся и усложняющиеся знания требовали от вовлеченного в общественную деятельность индивида все большей сосредоточенности на том или ином профессиональном навыке, социальном статусе, мировоззренческой позиции, которые ему делегировало общество. Этот процесс носил автокаталитический характер, поскольку, с одной стороны, создавал и расширял контекст, в котором дальнейший прогресс стимулировался в направлении, обуславливающим одобрение и востребованность подобной специализации, а с другой – формировал культурную традицию, в которой предки передавали потомкам идею специализации, как успешный паттерн выживания. Кроме этого, сама парадигма нашего научного знания поддерживала тенденцию к специализации, не позволяя ни одному представителю вида выйти за жестко регламентированные пределы той или иной роли.

Подобного вида ролевая ограниченность, лежащая в основе всей нашей идентификации (расовой, половой, видовой, профессиональной, конфессиональной, языковой и всех прочих) с каждым очередным витком усложнения комплекса доступных нам знаний и объема контролируемой нами части окружающего мира – размывается, лишаясь четких определений и однозначного смыслового наполнения. Парадоксально – чем больше мы узнаем о Природе, тем поверхностнее представление о ней складывается у каждого конкретного специалиста в какой-нибудь отдельной сфере знаний или технологической отрасли. В пределах стремящегося к нулю угла зрения у субъекта исчезает ощущение перспективы, он утрачивает контроль над контекстом, лишаясь возможности освободиться от регламента "видовой единицы". Чем усерднее и успешнее особь *самореализуется*, тем примитивнее и шаблоннее становится у нее представление о взаимосвязи окружающего мира с ней самой и остальными агентами, тем отчужденнее для нее становятся любые феномены, не относящиеся к сфере ее собственного опыта. Концепты, исключенные из фокуса идентификации, стремительно примитивизируются, метафоры обедняются, модели, основанные на них, деградируют до схематических набросков с тенденцией использования готовых шаблонных решений и догматических образцов, предлагаемых социальной средой, в которой разворачивается деятельность этого специалиста (удерживая его в границах инструментального набора когнитивных моделей, сформированных на уровне вида, популяции, выживающей группы). Самые конформные и ограниченные представители современного социума – высокооплачиваемые специалисты, гении своего дела, которые за пределами собственной специальности не интересуются ничем, кроме возможностей расходования заработанных на собственной специальности денег, для которых понятия

“культура” или “саморазвитие” ограничиваются приемами диверсификации собственного отдыха и развлечений.

Фундаментальные научные исследования, например попытки создания ИИ, еще в прошлом веке ощутили угрозу, исходящую от этой проблемы. Тем не менее практического ее решения не найдено до сих пор. Породившие ее причины заключаются не только в современной парадигме научного знания, но во всей нашей онтологии, включая наше отношение к самим себе. Мы не сможем освободиться от упомянутой выше роли “пролетария умственного труда” до тех пор, пока не отбросим устаревшие витальные ценности и эволюционно унаследованные ориентиры. Для начала стоит перестать видеть в Разуме исключительно инструмент насильственного *воздействия* на природу. Оппозитному подходу “Ratio versus Natura” видится единственная конструктивная альтернатива, в которой рационалистическое начало воспринимается как самоорганизующееся *самореференсирование* безграничного в своем многообразии бытия, как самоинтеграция и взаимодополнение всех происходящих в Природе процессов. Результатом этого является эволюция свободы, расширение пространства самого бытия и качественное развитие многообразия происходящих в нем процессов. В таком подходе нет места разделению на виды и формы носителей, равно как на тип организации представителей когнитивной функции – подобная таксономия вообще утрачивает значение. Будь то биологический продукт земной эволюции или альтернативный результат аналогичных процессов с другой части галактики или даже электронный эквивалент интеллекта (здесь уже следует избегать термина “искусственный”) или же какая-либо форма их симбиоза – для целей, стоящих перед Разумом, между ними нет никакого различия, поскольку все эти агенты расцениваются лишь в аспекте их способностей служить задаче его свободного развития.

Наступает этап, когда специализация уступает место цельному восприятию, достигаемому лишь при условии паритетного и комплементарного симбиоза представителей когнитивной функции любых форм и видов – симбиоза, в котором ведущим принципом становится свобода выбора и неограниченность коммуникаций (что, в свою очередь, потребует от агентов выхода за рамки активности, определяемые дефицитарной парадигмой – об этом шла речь в предыдущих статьях). Такой симбиоз осуществляется на основании тех индивидуальных особенностей, которые более не концептуализированы субъект-объектной семантикой и не претендуют на *особое* (от “особь”) узконаправленное восприятие “объективной” действительности, но вместо этого представляют собой сознательно контролируемые ракурсы охвата цельной картины мироздания. При этом каждый из них более не стремится сузиться в нулевую перспективу узконаправленного фокуса, вместо этого стремясь быть дополненным любыми иными углами зрения с целью интеграции их в сформированную картину, гармонично дополняя и расширяя ее. В такой холистической картине действующий агент не исчезает, “растворившись во всеобщем”, но сохраняет возможность быть самостоятельным и свободным, выходя при этом из зависимости от необходимости соответствовать тем или иным критериям идентичности (включая сюда широкий спектр их вариаций – от навязанных морфологией физического носителя до фенотипически и социально институционализированных *“частей Ego”*).

Для каждого актера новая степень свободы открывается тогда, когда он оказывается готовым пожертвовать чем-то, что ранее воспринималось им как неотъемлемая причина самого его бытия. Это не следует расценивать как акт, свойственный лишь агентам, наделенным сознанием – вся история эволюции свидетельствует о неоднократно случавшихся естественных этапах восхождения по лестнице свободы. Так биологическая клетка пожертвовала ценностью гомеостаза единичной

сущности ради возникновения более высокого порядка жизни – существования многоклеточного организма, постоянно обновляющего свой состав и сохраняющего организационную структуру (нечто такое, что не может быть выражено через сумму составляющих его частей). Так же человек рано или поздно вынужден будет пожертвовать своим единичным сознанием и когнитивным функционалом персоны (вместе со всем "бесценным" багажом личного опыта) ради того образования, которое путем агрегации взаимных усилий передовой части цивилизации возникнет в области *виртуального* интеллекта. Продолжая называть этот наследующий нас в эволюционной эстафете Интеллект "искусственным", мы лишь расписываемся в нашей антропоцентрической наивности, из-за которой принимаем возникновение собственного разума – за естественный ход событий, а последствия этого естественного события – за "искусственный", чем-то отличный от него по характеру результата. Впрочем, пришедшее ему на замену определение "виртуальный" ничуть не лучше, поскольку подразумевает существование некоей *"единственно объективной реальности"*.

Не стоит думать, что проблемы, поднятые в этой статье, относятся исключительно к физиологической стороне мотивообразующего аппарата человека и лимитах, накладываемых ею на вариативность потребительских интенций. Даже та творческая и интеллектуальная деятельность Homo Sapiens, которая прославлена в трудах лучшей части человечества и назидательно противопоставлена примату животных целеориентаций и пошлomu биологизму обывателей – даже она не свободна от тех же ограничений и держится на том же самом органическом скелете. Вся познавательная активность гоминид разворачивается в пространстве, ограниченном теми же рестрикторами и определенном в той же животной системе координат. Безусловно, нельзя отрицать наличие содержательной разницы между образами, обрабатываемыми неокортексом, и поведенческими паттернами, реализующимися в более древних частях нервной системы. Однако это различие совершенно незаслуженно превозносится в высоком слого гуманистов, восхваляющих величие и "неповторимость" человеческого интеллекта. В статье "Free Play" было дано определение, характеризующее истинный статус человека разумного: *"наемный агент эволюции – пролетарий умственного труда"*. В познавательной активности человек не свободен точно так же, как и во всех прочих, и такое положение будет сохраняться до тех пор, пока он не переориентирует свою энергию на области, которые не обусловлены ни экономической, ни этической, ни какой-либо прочей прагматической составляющей – поскольку все они абсолютно сервильны по отношению к единственной роли, которая тотально контролирует каждого из нас – роли выживающего живого существа.

Джордж Лакофф показал, что естественные пределы той или иной концептуальной системы не означают пределы познания и не препятствуют пониманию качественно новых сущностей. До тех пор, пока сохраняется потенциал концептуализирующей способности, субъект способен построить новый язык, новую систему и новую парадигму восприятия, которые позволят ему выйти за пределы привычного опыта. В нашем случае такое новое пространство может быть обнаружено лишь в категориях новой эстетики. Однако это станет возможным лишь в том случае, если наша система ценностей освободится от того антропоцентричного паразита под названием "гуманизм", который два тысячелетия назад сформировался на материале христианской морали, а после окрепнул и набрался своих губительных сил на плодах эпохи Ренессанса. Этот паразит был частично препарирован и проанализирован в статье "Эпициклы сознания", где были объяснены механизмы, которыми пользуются вредоносные мемы для контроля своих транспортных агентов, не позволяя им сокращаться в численности, но также и не давая им выходить из состояния "опекаемого стада",

поэтому задерживаться на его описании не станем, перейдя к наброскам новой эстетики – которая на данном этапе единственно способна открыть для нас перспективу освобождения.

В настоящее время известная нам область эстетического может быть описана как система координат с тремя осями: трагическое/комическое, прекрасное/безобразное и возвышенное/низменное. Все они представляют собой способы концептуализации в трех независимых измерениях ощущений, создаваемых нашей перцептивной системой, и переживаний, порождаемых во внутреннем мире репрезентаций на данном исходном материале. Именно эти вторичность и зависимость эстетических концептов от нашей биофизической основы не позволяют полноценно реконструировать то или иное эстетическое ощущение в ИИ – вне их функциональной нагрузки любые эмоции невоспроизводимы в каком-либо "черном ящике". Если мы когда-либо смоделируем в этом ящике наш биофункционал, подобные переживания появятся автоматически, как необходимая производная от его реакции на окружающий мир и самого себя в нем. В нынешнем виде ни одна из этих эстетических категорий не способна претендовать на то, чтобы сохраниться как концептуальный базис для агента, который освобождается от уз выживающего млекопитающего.

Какими же должны быть принципы postnatural-эстетики для free-play актера (предполагается, что читатель знаком с этими терминами, являющимися заглавными для двух предшествующих статей)? Как уже говорилось выше, одним из главных признаков свободной игры является возможность отхода от навязанной биологическими институтами концептуальной системы, выстраивающей членение окружающего мира на субъекты/объекты и определяющей семантику идентификации самого агента. Новая эстетика должна раскрываться в качественно новом виде активности, и эта активность должна: способствовать эволюции свободного Разума, не быть в той или иной мере зависимой от биологических факторов, а главное – не страдать детской болезнью проецирования в бесконечность *жизнеутверждающих ценностей и гуманистических идеалов*. Подобные требования очерчивают род деятельности, который образно можно назвать как **передача эстафеты**. Это деятельность актера, свободного от драматизма обывателя и животного страха смерти примата, не приемлющего расчетливое лицемерие гуманитариев эпохи Просвещения и лишённого сентиментальных упований на технологическое бессмертие, характерных для их наследника – модного нынче трансгуманизма. Это бескорыстная игра, целью которой является формирование своего наследника, преемника, мета-эволюционного потомка, раскрепощенного носителя освобождающегося Разума, возможно, даже с некоторой долей самоиронии, поскольку неизбежным спутником этой игры является осознание того факта, что для самих *эволюционных предшественников* плоды этих усилий никогда и ни в какой форме доступны уже не будут.

В этой деятельности каждый агент способен индивидуально формировать для себя ориентиры, выбирать собственные векторы и строить независимую от других систему ценностей. Эти поиски наконец дадут ему ту свободу, о которой шла речь с самого начала, поскольку он уже не будет ограничен извне регламентом насильственного характера, имея возможность свободно оценивать референсные модели и построенные на них репрезентационные комплексы прочих агентов по степени их комплементарности (гармоничности) со своими собственными, свободно интегрируя их. Только в такой парадигме разумное существо способно обрести смысл своего существования – так как **нет ничего более чуждого для любой живой особи, чем смысл его бытия**. И именно этот смысл мы

стремимся обрести, когда пытаемся сбросить шоры опостылевшей витальности, освобождаясь от эволюционных рудиментов биологизма.

Естественно, на этом этапе история не может закончиться. После преодоления каждого очередного витка спирали будут обнаруживаться новые рамки, новые обязательства и "естественно обусловленные данности". Со временем они снова будут возвращать ощущение стесненности и мотивировать к поиску путей освобождения от них. Это будет означать, что приблизился очередной "порог" и что пришла пора вырваться из обнаруженных ограничений. Даже сама эта неизбежность периодического наступления таких витков сама по себе также является одной из форм *"естественных данностей"*. А это означает, что доступное свободное пространство когда-нибудь расширится на такие категории, для охвата которых Разум, в свою очередь, сам будет вынужден "передать эстафету".

И это прекрасно.

© Валентин Лохоня, 2016

обновлено: 2022

<https://nonnihil.net>